

16 ТУРА

ВЕЩИЕ СНЫ НИНЫ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

Русская певица о яблоках, опере и родном театре

Андрей Хрипин

Мастер

НИНА НИКОЛАЕВНА, как начиналась ваша международная карьера. И как на самом деле вы стали «девушкой с Запада»?

— Это было эпохальное прослушивание в Большом театре. В 1987 году Госконцерт создал импресарио со всего света, а прослушиваться съехались все «великие» из всех пятнадцати республик. Меня тоже каким-то образом занесли в список от Большого театра. Прослушивание вела Анна Чехова. И вот она мне торжественно сообщает, что сегодня в зале знаменитый на весь мир Руди Рааб, но он уйдет в антракте перед моим выступлением. Я взвизвалась: как так?! Дождалась паузы и явилась к Раабу: «Здравствуй, я Нина Терентьева». Выяснилось, что он слышал обо мне немало хорошего. Попросила его остаться, он — пожалуйста, с удовольствием.

Когда я спела арию Эболи и гадание Марфы, Рааб бросился ко мне, расцеловал и сразу же назначил дату дебюта в венской Штатаксопер в партии Азучены. Так я и работаю с ним с тех пор.

Чуть позже Рааб порекомендовал меня в Торонто, и я спела там на французском языке самую полную версию «Дон Карлоса» (с третьей арией Эболи, когда она меняется плащами с королевой). Режиссер спектакля Лотфи Мансури вызвал по телефону американского менеджера Тони Руссо послушать меня. Руссо тоже захотел работать со мной и предложил тотчас ехать в Нью-Йорк — включаться в постановку какой-то большой итальянской оперы с центральной меццовой партией. Я не была дома полтора месяца и отказалась от этого конкретного проекта. Тем не менее контракт мы подписали, и Тони стал моим американским импресарио. В частности, благодаря ему в 1992 году состоялся мой дебют в «Метрополитен-Опера» в партии Эболи.

— Давайте вспомним последний сезон. Самые яркие события, люди, спектакли...

— Сезон 1993/94 года начался для меня в октябре с ЮАР, где в Претории, в «ПАКТ Опера» я шесть раз спела Эболи в интернациональном «Дон Карлосе».

Я не ожидала, что оперный театр может быть частью предвыборной борьбы. Страна готовилась к приходу к власти правительства черных, а «ПАКТ Опера» — это искусство элитарное, для белых. Признаться, я сначала без охоты летела в ЮАР (далеко, да и у Насти как раз в это время было 1 сентября), а теперь моя мечта — когда-нибудь вернуться туда и познакомиться южноафриканцев с русским романсом. Потом была «Аида» в восточноберлинском Штатаксопер в начале января. Это старая постановка, самый обычный, достаточно бедный спектакль. В Берлин специально вылетел, чтобы меня послушать, директор оперной труппы из «Ковент-Гарден». И тут же подписал со мной контракт на восемь спектаклей «Аиды» в 1995 году. Кроме того, попросил их выручить и перепетировать всю весну за Лучану д'Интино. Я перепетировала — и получила свой спектакль. В январе-феврале был Мюнхен, где я впервые на итальянском языке пела Ульрику в «Бале-маскараде» под управлением Петера Шнайдера. Режиссер Том Кэйрнс сделал абстрактный спектакль, смешав век восемнадцатый с современностью, а итальянскую версию либретто — со «шведской». В Большом из Ульрики делал чудо в перьях, а тут и была обыкновенная и совсем не страшная женщина в черном. Свою сцену я пела в клетке, обтянутой темной сетью, и с трудом видела дирижера. Постановщик много со мной занимался, но его идеи были настолько сложны, что я их мгновенно забывала. Затем я повторила Ульрику в Буэнос-Айресе в театре «Колон».

— У вас особенные отношения с этим театром...

— Да. В 1990 году я спела там «Трубадура» (кстати, вместе с Сержей Лейферкусом — Ди Луна и Априле Милло — Леонорой). Обычно аргентинская пресса почти не уделяет внимания оперной жизни, а тут вдруг обвал восторженных рецензий и интервью. Во всяком случае, как писалось, они впервые видели не обезумевшего медиума, но лирическую героиню, простую, страдающую женщину. Дирекция «Колон», недогадо думая, заключила со мной контракт на два года вперед еще на два спектакля: «Сельская честь» и «Самсон и Далила».

— Не было страшно перед Сантуццей, ведь партия по сути дела сопрановая, да еще с таким эмоциональным кренделем?

— Трудность была только в том, что попалась «тяжелый» дирижер — старый итальянец. Воротил все по-своему, скручивал нас в бараний рог.

Нам с дочкой Аргентина очень полюбилась, обзавелись там кучей друзей в русской колонии. Я их в шутку зову «белогвардейцами». Следом за аргентинской Ульрикой настал черед венской Амнерис. Радамес — Джузеппе Джакомини. Аида — Милло. Никольскому из Большого итальянская музыка удалась гораздо лучше, нежели Иваны Сусанины, тут он в своей стихии.

— Интересно, какой из спектаклей сезона вы считаете самым удачным для себя?

— Последний, то есть мою Амнерис в «Ковент-Гарден».

— «Моя Амнерис» — это звучит гордо, прямо как «Моя Кармен». Любимая роль? Тогда объясните, почему для многих меццо именно эта партия — венец желаний, а Кармен — постольку-поскольку. Какая загадка кроется в этой египтянке?

— Сам Верди первоначально хотел назвать свою оперу «Амнерис». И для меня это спектакль не

«Не возжелай большего» — ее принцип, и она не требует от судьбы слишком многого. Для импресарио разных стран она прежде всего Амнерис, Эболи, Азучена. А популярность, рекламный бум и вообще все, что связано с престижем и модой, ей не так уж и интересны. Первым делом — семейный очаг, мама, три сестры и одиннадцатилетняя дочь, а еще любимый автомобиль. Профессия — потом, в промежутках. Наверное, только она способна отказываться от фантастических контрактов ради возможности подольше побыть с дочкой: отклонила предложение Мути участвовать в премьере «Весталки» Спонтини на сцене «Ла Скала», отказала Дзеффирелли петь «Аиду» на открытии отреставрированной Римской оперы.

Выступать в венской Штатаксопер, аргентинском «Колон», в Гамбурге, Мюнхене и Берлине и оставаться при этом патриотом Большого не на словах, а на деле — удивительный пример альтруизма, учитывая нынешнюю творческую ситуацию в театре, который, кстати, со дня прихода Терентьевой в эти стены дал ей всего одну премьеру («Снегурочка», 1978). Даже в разговоре ее густое меццо переливается всеми оттенками темного спектра, располагает к себе, успокаивает, врачует.

В нелюбимой роли Кармен.

про любовь Аиды и Радамеса, а о судьбе дочери фараона. В музыкальном отношении нет партии сложнее — она требует концентрированного, абсолютного мастерства. Я всегда преклоняюсь перед глубоким чувством, Амнерис же еще и благородная натура. Она борется за любовь честно, хотя могла бы уничтожить Аиду уже в начале первого действия. Сама я ревновала в своей жизни — это страшно, поэтому хочется оправдать Амнерис. Обычно ее делают высокомерной фурией, холодной и мстительной, но у меня она прежде всего женственная, мягкая, нежная. И — никакая сексапиль, это лишнее. А Кармен я вообще терпеть не могу; и здесь, на русском языке, с отвращением ее пела, и на Западе отклоняю все предложения. Не могу соединить себя с этой грешницей. Она воровка, предательница. И популярный фильм с Доминго и Мигенес-Джонсон только укрепил мое неприятие: что это за женщина такая, все время с раздвинутыми ногами?

— Сейчас осень, театры начинают новый сезон. Что будет с вами?

— Я хоть и верующая, но не суеверная — скажу. В ноябре — «Трубадура» в Гамбурге, в декабре — «Иван Грозный» Прокофьева под управлением Мути в «Ла Скала», в январе — «Аида» в «Ковент-Гарден», ближе к весне — «Аида» в Бордо и так далее.

— Полгода в общей сложности вы проведаете за границей. А как вы общаетесь с коллегами, как у вас с языками?

— Я хороший звукоподражатель, поэтому произношение, когда пою, у меня правильное на любом языке. Но общаться не могу ни на одном. Делать карьеру я никогда не собиралась, поэтому знание языков для меня необязательно. Если дают переводчика — хорошо, а так общаюсь на смешанном английском. Когда меня спрашивают как бы с упреком: мол, почему не говорите по-английски? — я попросом отвечаю: а вы почему по-русски не говорите?

— Как вы думаете, почему у вас, солистки ведущих оперных театров мира, нет такой популярности, как, скажем, у других русских певиц нашего поколения?

— Я не тщеславна. К работе отношусь как к работе, карьеру не строю. Свои программки, фотографии, записи специально не собираю — неохота. Да и кому это нужно? Десяти поклонникам да двум критикам — и все.

— Складывается впечатление, что вы берете от жизни намного меньше, чем она предлагает. Она бросает вам целые россыпи, а вы скромно пользуетесь лишь самым необходимым...

— А что такого особенного она мне бросает? Семья, работу, любимое занятие — петь. Ведь что в конечном счете важно: люди пришли на оперу, и я им вдруг понравилась, и они побежали за автографом. Все. Остальное — ерунда, если о работе говорить.

— И к артистическому риску вы тоже равнодушны?

— Конечно. Я люблю делать все с уверенностью, качественно и наверху. Риск — прямой путь к провалу, то есть в ад.

— Ни за что не поверю, что вас никогда не искушали такие партии, как, скажем, Леонора в «Фаворитке» или Адальгиза в «Норме», или что-то еще экзотическое.

— Никогда. Хотя предложения, естественно, были. Нет у меня такого качества, как колоратурность, партии романтического бельканто я не осило, как и музыку Рихарда Штрауса. Мое прямое дело — Верди и русская музыка, этого достаточно.

— Вы успели стать партнершей многих великих. А с кем еще мечтаете спеть? Кто вам просто нравится из певцов?

— Доминго и еще раз Доминго. У него есть душа, доброе сердце, он искренен всегда, и, кроме того, он рыцарь по отношению к женщине. Уж поверьте, в женщинах он знает толк, хотя всегда верен своей Мартуше. Когда мы познакомились в Лос-Анджелесе («Дон Карлос» с ним, Троицкой и Володей Черновым), он загорелся спеть со мной «Самсона и Далилу» в «Ковент-Гарден», но потом его очаровала более молодая Ольга Бородина. Я не в обиде, ведь и в природе так заведено — не мы выбираем наших мужчин, а они нас. Но, видно, сам Бог не хочет, чтобы я пела с Пласидо. Помните, накануне Рождества Христова, года три назад, в Большом Кремлевском дворце планировался наш совместный концерт «на четырех» (я, Пласидо, Казарновская и Чернов). И вот снится мне тогда сон: большой гроб и Доминго, забывающий прыжку гвоздями. В ужасе я проснулась. А сон оказался в руку — Люба не успевала выучить опереточные куски, у нее тогда со здоровьем беда случилась, и Пласидо прислал отказ.

— Было бы интересно услышать ваше мнение и о музыкальных конкурсах.

— Именно на конкурсах в утрированном виде вылезает все плохое, что принес с собой обрыв наших педагогических традиций. Обнажается трагедия русской вокальной школы. Учить у нас разучились, хорошие голоса губят, а в жизнь выводят каких-то уродов. Начинают строить дом, но... без фундамента — не учат дыханию. В результате молодые поют «на горле». А это означает маленький, блеющий звук. Слушала в этот приезд певки по «Трубадуру» в Большом театре. Хороший вроде бы голосок у Бикудовой, но петь-то не умеет, не научена (педагог — Бэла Руденко. — А.Х.). За педагогику берутся все подряд, когда уже петь не могут как следует. Но ведь не каждый народный артист СССР может стать достойным учителем. Кого, например, выучила Образцова? Все — инвалиды, только Марина Шутова сумела сохранить себя благодаря тому, что многому училась у других.

— А вы где ухитрились получить хорошее образование? Кто вам помог построить этот дом с самого основания?

— Во-первых, голос мне дала природа. Знаете, есть такое понятие — природная постановка. Вот вторых, мне сильно повезло. Я поступила в Магнитогорское музыкальное училище, каких уже нет, все вымерли. Это была Маргарита Григорьевна Павлова. Фанатик

своего дела. Она заставляла заниматься каждый божий день, и я пролила море слез. Да и жилось тогда плохо, всегда ходила голодной, без денег, вдали от родителей, которые с моими тремя сестрами нищенствовали в деревне. Нашего педагога в училище считали ненормальной. Она училась у итальянцев в Петербурге и нас ставила на дыхание, разрабатывала нам все мыслимые резонаторы, лечила пением. Недавно я вспомнила, что о ней никто не молится, и с тех пор стала заказывать молебен по моей Маргарите Григорьевне. И вот, только я заказала первый молебен, она пришла ко мне во сне. Как сейчас вижу: длинный зал, я пою на сцене, а она тихо сидит на приставном стуле и улыбается, такая довольная, счастливая.

— Одним словом, из училища вы вышли совсем готовой певицей?

— Ну что вы! Там меня вели как сопрано, но хорошо разрабатывали почему-то середину, а вот природный верх я временно утратила тогда. Впрочем, сделать середину, поставить ее на дыхание — и есть задача училища. Верхи должны брать с боем уже в консерватории.

Я, конечно, страшно переживала и работала над собой, как лошадь. В Ленинграде меня взяла к себе Ольга Феликсовна Мшанская, и я очень боялась, что она выгонит меня, когда узнает, что я без верха.

— О, и тут вам повезло! Легендарное меццо Кировской оперы и не менее авторитетный педагог...

— Да, она благодаря отличной школе пропела на сцене сорок лет, и ее голос всегда звучал одинаково молодо. Преображенская вечно хворала, и Мшанская пела за нее, за себя и за всех других. Крепкий, необычайно выносливый голос с фантастическим верхом — дивная была Амнерис! Не зря ее прозвали «железной леди». Ольга Феликсовна никогда и ничего не навязывала, не «химичила». Она сумела вернуть мне верхний регистр.

— Когда и как состоялся ваш первый театральный дебют?

— В Кировском театре вдруг не оказалось Ольги для «Евгения Онегина», все эти певицы перешли на Янно. И обратилось руководство в консерваторию, а им указали на студентку третьего курса Терентьеву... Так и спела дебют, после чего была определена в стажеры. Потом — Полина, Миловзор, Мерседес в «Кармен» и так далее в том же духе.

Пропела я в своем первом театре семь лет. И все эти годы жизнь моя там была весьма несладкой. Только не подумайте, что из-за Богачевой — она ко мне нормально относилась. Конечно, поначалу, как уважающая себя примадонна, она насторожилась, а потом видит, что я — обыкновенный «лопух», никуда не лезу, ни на что особое не претендую — и успокоилась. Уж кто попортил мне кровь, так это завтрупной Храмов. И из-за чего?

Подходил к концу шестой год работы. И вдруг этот начальник ставит меня на партию Флоры в возобновляемой «Травиате». Тут я не выдержала, взорвалась и в первый раз сказала «нет». Я выросла, мне уже пора Амнерис петь. И началась знакомая всем производственникам социалистическая травля. В общем, довела меня до нервного срыва, я стала чувствовать, что теряю голос. В 1976-м пришел Темирканов. И однажды, сама не знаю как, ноги привели меня к нему — просто поговорить. Он мне стал и Кармен, и Амнерис после этого выписывать. Но тут я получила приглашение принять участие в конкурсе на ведущий репертуар в Большом театре.

— И что же Москва, Большой театр, который так ждал вас?

— Как что? Тихонечко собралась и поехала. Отпела сразу третий тур с оркестром, арию Иоанны, и была единогласно принята в штат. Тогда взял еще Людю Шемчук, а в стажеры — Людю Нам, Олско Терошнову и мою однокурницу Таню Ерастову. Про нас говорили — меццовый десант. Это был 77-й год, и в Большой приходило его среднее поколение — те, кто пятнадцать лет продавали репертуар.

— Ну про сегодняшний Большой театр говорить не будем, и так все ясно...

— Как сожалею, да. Может, это и нехорошо, но я испытываю только одно чувство — стыд. Если бы я не любила этот театр, то давно бросила бы его. Большой варится в собственном соку и своих дряках. Спасение только в одном — он должен стать международным, открытым. Но и папять тогда придется по 10 тысяч долларов за спектакль, а то и больше.

Гастролируя по всему миру, я часто спрашивала у партнеров, достаточно ли престижен для них Большой театр в Москве и хотят ли они петь на его сцене. Все в один голос отвечают: конечно. А Априле Милло ей даже было присила меня устроить ей хотя бы одно выступление в Большом, она была согласна петь бесплатно...

— Замечательно. Расскажите напоследок о своей семье, откуда вы родом?

— Семья у нас очень простая. Отец — слесарь, мама — уборщица. Мы, Терентьевы, из рабочего поселка Куся, что под Челябинском. Папа был очень культурным человеком от рождения, любил классическую музыку, много читал, был в курсе всех событий, хотя закончил один класс. С детства я мечтала быть певицей или... садовником. Очень хотела попробовать хоть раз в жизни яблок — у нас они не росли — они мне только снились. Я с детства много работала, даже из Ленинграда каждый год приезжала на покос. Благодарна судьбе, что выросла именно так, в бедности и тяжелом труде, что всего добивалась сама. Возможно, поэтому я так люблю Россию и все русское и не могу подолгу оставаться за границей — там все чужое.

Автор благодарит за идею этого интервью и содействие в работе Николай Горбунов (ИТАР-ТАСС)